

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Юй Исин

РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В СВЕТЕ ЭТИКИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2019

Работа выполнена на кафедре русского языка
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Чернейко Людмила Олеговна**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Радбиль Тимур Беньюминович**
доктор филологических наук, профессор кафедры
теоретической и прикладной лингвистики ФГАОУ ВО
«Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского»
Фролова Ольга Евгеньевна
доктор филологических наук, заведующий лабораторией
фонетики и речевой коммуникации филологического
факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»
Шмелёва Татьяна Викторовна
доктор филологических наук, профессор кафедры
журналистики филологического факультета ФГБОУ ВО
«Новгородский государственный университет имени Ярослава
Мудрого»

Защита диссертации состоится «__» _____ 2019 г. в _____ часов на
заседании диссертационного совета МГУ.10.01 Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991 ГСП-1, Москва,
Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус,
филологический факультет.

E-mail: russlang@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на
сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/198069329/>

Автореферат разослан «__» _____ 2019 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

доктор филологических наук, доцент

О.В. Дедова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Обращение и извинение как базовые речевые этикетные формы довольно подробно изучены в русистике. Это лингвистически значимый объект исследования, поскольку и обращение, и извинение, будучи самостоятельными речевыми актами, имеют в русском языке варианты их наполнения (синонимы), употребление которых коррелирует с конкретными коммуникативными ситуациями, включающими такой важный социальный параметр, как взаимоотношения между коммуникантами, социально-психологическая дистанция между ними, что позволяет сферу лексических единиц и форм обращения представить как позиционно (конситуативно) распределенную систему языковых единиц, т.е. как парадигму.

Не менее актуальным является рассмотрение речевого этикета в рамках общих норм и правил общежития в аспекте прогнозируемых последствий сказанного и предупреждения возможных речевых неудач, что позволяет взять за основу речевого поведения личности ее ответственность за свои речевые действия, в частности за выбор формы обращения, адекватной коммуникативной ситуации, и за осознание мотива принесения извинения. Актуальность этого аспекта изучения обращения и извинения выводит проблему на междисциплинарный (лингвофилософский) уровень, поскольку прогнозирование личностью последствий своих действий, в том числе речевых, входит в сферу его ответственности.

Что касается мотивации извинительных высказываний и способа представления в них причины извинения, то эта проблема представляется лингвокультурологически значимой, но недостаточно изученной. Особый аспект этой проблемы – причина извинения и тип извинительного высказывания в разных сферах коммуникации: в обыденной речи и в речи публичной, включая и устную речь научной сферы.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных лингвистов и философов. Основные положения этики ответственности изложены по работам таких философов и лингвистов, как Аристотель, М. Вебер, Х. Йонас, И. Кант, Ф. Ницше, Ц. Чжу; В.А. Канке, Г.А. Ткаченко, О.Е. Фролова. Особенности функционирования обращения и извинения в качестве речевых актов в различных речевых жанрах рассматриваются в свете работ Н.Д. Арутюновой, М.М. Бахтина, Т.Г. Винокура, Н.Д. Голева, В.Е. Гольдина, В.В. Дементьева, О.С. Иссерс, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Т.В. Шмелевой; Г. Грайса, Дж. Лича, Дж. Остина, Дж. Серля, П. Стросона. В вопросах анализа семантики и прагматики обращения и извинения исследование опирается на идеи Л.Г. Бабенко, В.В. Виноградова, О.Ю. Дементьевой, О.Н. Ермаковой, Е.А. Земской, Т.В. Крыловой, Т.В. Лариной, Т.М. Николаевой, В.П. Проничева, Н.И. Формановской, Л.А. Хесед, Л.О. Чернейко, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева, Т.В. Шмелевой, Т.Е. Янко.

Объектом данной диссертационной работы являются русские обращение и извинение, а **предметом** – лексический состав этих этикетных форм, их семантические и прагматические свойства, специфика функционирования в разных речевых жанрах и принципы их употребления с позиции коммуникативной ответственности. Особый предмет изучения извинения – это причина, вызвавшая данный речевой акт, формы ее языкового воплощения (эксплицитная и имплицитная) и процессы семантической «перезагрузки», активные в современной русской речи.

Материалом исследования послужили тексты разных жанров – это художественная литература с 18 по 21 век, где широко представлены диалоги, кинофильмы с начала 20 века до нашего времени, материалы СМИ за последние 15 лет, записи устной речи за последние 5 лет (картотека Л.О. Чернейко и собственные наблюдения), а также данные Национального корпуса русского языка. В диссертации анализируются 694 контекста (в том

числе 438 контекстов с обращениями и 256 контекстов с извинениями).

Актуальность и научная новизна работы заключается в том, что в ней обосновывается необходимость выбора адекватного речевой ситуации варианта обращения с позиции коммуникативной ответственности говорящего, прогнозирующей возможные реплики-реакции адресата, предлагается вариант классификации извинений по их мотивам и функциям, а также выявляется семантическая «перезагрузка» извинения как тенденция его развития в современной русской речи.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней 1) анализируется понятие «ответственность» в связи с так называемой коммуникативной неудачей, которая может быть обусловлена неверным выбором формы обращения, а также стать поводом для извинительного высказывания – реальным или «фантомным»; 2) обсуждаются принципы, на основе которых варьируется выбор формы обращения в разных речевых жанрах; 3) вырабатывается модель описания речевого акта извинения по его мотивации в бытовых и публичных коммуникативных сферах. Работа имеет междисциплинарный характер, поскольку в ней проблемы этикета связаны с проблемами этики.

Практическая значимость результатов проведенного исследования заключается в возможности включения их в учебные курсы и спецкурсы по лексикологии, лексикографии, структурной и когнитивной семантике, прагматике, культуре речи, в особенности по русскому речевому этикету. Полученные данные могут быть востребованы при обучении русскому речевому этикету как русскоязычной, так и иностранной аудиторией.

Основными целями диссертационной работы являются: 1) рассмотрение семантико-прагматических особенностей форм обращения и извинения в различных речевых жанрах; 2) изучение роли понятия «ответственность» в выборе формы обращения и в сфере извинения.

Достижение поставленных целей потребовало решения таких

исследовательских **задач**, как:

1) рассмотрение ключевых понятий «этика ответственности», «речевой этикет», «обращение», «извинение», «речевой акт», «речевой жанр», «категория вежливости», «коммуникативная неудача»;

2) изучение лексического состава обращения и семантико-прагматических особенностей форм обращения в текстах разной жанровой принадлежности путем сопоставления лексико-семантических парадигм обращения по базовым параметрам коммуникантов и ситуаций;

3) исследование языковых средств воплощения мотивов извинения, а также особенностей функционирования форм извинения в бытовых и публичных речевых жанрах;

4) разработка классификации извинений по их мотивам и функциям;

5) рассмотрение употребления обращения и извинения в связи с коммуникативной неудачей с позиции этики ответственности.

В работе используются следующие **методы**: наблюдение за поведением форм обращения и извинения в разных коммуникативных ситуациях, выборка языкового материала из источников, их классификация и описание, ориентированное на обобщение полученных результатов и их интерпретацию (**описательный метод**), а также базирующийся на описании и на общих принципах построения лексико-семантических парадигм (ЛСП) **метод компонентного анализа** вариативных форм обращения. Особое значение в исследовании материала придается **дистрибутивному методу анализа**, заключающемуся в изучении (применительно к обращению) конситуативного распределения вариативных форм обращения, что дает возможность построения апеллятивных парадигм. Применительно к извинению использован **метод семантического анализа** извинительных высказываний, ориентированный на извлечение мотивов извинительного акта, что дает возможность построения типологии извинений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Варианты **личных имен**, которыми располагает система русского языка, образуют лексико-семантические парадигмы обращения. Это значит, что весь реестр форм представляет собой позиционно распределенное по типам коммуникативных ситуаций множество единиц. Такое множество рассматривается и в аспекте их словообразовательной структуры. Способность **имени нарицательного** использоваться в функции обращения во многом зависит и от его семантико-прагматических параметров, и от условий общения. Формы обращения варьируются в зависимости не только от ряда объективных факторов, таких, как характер ситуации, статус говорящего и адресата в социальной или родственной иерархии, тема разговора, сложившаяся в определенном социуме традиция, но и от субъективных моментов – эмоционально-оценочного отношения субъекта речи к лицу-адресату, а также от его воспитания, вкуса, симпатий и т.д.

2. Обращения могут быть разделены по их иллокутивным целям на два типа: вокативы и экспрессивы (оценки). Экспрессивы (оценки) подразделяются на такие подтипы, как обращения-контактивы (контактоподдерживающие средства, в том числе средства, использующиеся для осуществления других целей или других речевых актов – просьбы, приказа, упрека и т.п.), обращения-характеристики и обращения-«деструктивы» (контакторазрушающие средства, но так интерпретируемые только с точки зрения «принципа кооперации»). Обращения выполняют как собственно апеллятивную (призывную) функцию, так и фатическую функцию (контактоустанавливающую и контактоподдерживающую), часто осложненную эмоционально-экспрессивными (аксиологическими) «добавками», выражающими субъективное отношение говорящего к адресату (*Что ж ты, ягодка, кушай со Христом*). Однако при заполнении позиции обращения именами нарицательными, выражающими пейоративную оценку, обращение

становится контакторазрушающим средством, которое может превратиться в инвективу.

3. Современное состояние русской публичной речи характеризуется проникновением разговорных, просторечных и других стилистически сниженных вариантов обращения в публицистическую и официально-деловую функциональные сферы, что вызвано либерализацией и демократизацией языка, но приводит к нарушению традиционного «принципа вежливости», к несоблюдению так называемой «социальной дистанции» и даже к вульгаризации русской речи.

4. В речевом общении текстопорождающий потенциал часто находится «в руках» у коммуникативной неудачи, которая может быть обусловлена неверным выбором формы обращения, провоцирующим микротекст вокруг ошибки, а также стать поводом для извинительного высказывания – реальным или «фантомным». Основное различие между механизмом текстопорождения в этих случаях сводится к тому, что неверный выбор формы обращения говорящим – причина реплики слушающего, тогда как метаизвинение – всегда следствие предшествующей речевой неправильности, допущенной самим говорящим. Во избежание коммуникативной неудачи в реальном речевом общении субъект речи должен выбирать определенную форму обращения из многочисленных вариантов не только исходя из узаконенных норм и правил русского речевого этикета, но и с позиции коммуникативной ответственности как одного из базовых факторов речевой деятельности, учитывающих и социальную дистанцию, и «принцип вежливости» как частный случай «принципа кооперации», а также редуцирующий нежелательные последствия, если говорить об извинении.

5. Собственно извинительный речевой акт нуждается в мотивации, что требует и от говорящего, и от слушающего осознания причины принесенного извинения. В противном случае в этикетной форме извинения происходит «перезагрузка» содержания. Если этикетными извинениями говорящий

компенсирует причиненный в процессе общения ущерб и тем самым устраняет коммуникативную неудачу, то освобожденные от семантики этикета извинения («неэтикетные» – квазиизвинение и десемантизированное) дают информацию о говорящем. Пустой, освобожденный от семантики этикета извинительный акт оказывается прагматически насыщенным. Раскрытие причин извинительных высказываний в разных речевых жанрах способствует прояснению поведенческих правил в различных ситуациях и пополнению их реестра.

6. По параметру «языковое представление причины извинения» все извинительные высказывания делятся на две группы: эксплицитные и имплицитные. Если говорить об эксплицитных извинениях, то оказывается важной форма выражения извинения (извините за то, что; извините, что...; извините, если...; извините, но...; прошу прощения у тех, кто...). По параметру «характер причины извинения» все извинительные высказывания в современном речевом общении могут быть разделены на две большие группы: 1) извинения за действия (извинения «по существу» и конвенциональные извинения), 2) извинения за речевые действия, или метаизвинения (семантически мотивированные и десемантизированные, наполненные субъективной модальностью). По параметру «реальность причины извинения» извинительные высказывания делятся на два типа: реальные извинения и квазиизвинения (за так называемый «фантомный вред», т.е. «вред», по-разному оцениваемый извиняющимся и адресатом извинения).

7. В публичной речи в большей степени, чем в бытовых ситуациях, извинение выходит за рамки этикетности, приобретая черты приема «ложной значительности» и даже обретая статус эквивалента модальных слов. Функционирование десемантизированных метаизвинений свидетельствует о семантической «перезагрузке» извинения как тенденции его развития в современной русской речи. Критерий разграничения квазиизвинений и извинений десемантизированных – это наличие иной, чем собственно

извинительная, цели (в десемантизированных метаизвинениях) и наличие по-разному оцениваемой говорящим и слушающим причины (в квазиизвинениях). Квазиизвинения имеют место тогда, когда причина осознается говорящим (иначе извинительный акт не имел бы места), но может не быть очевидной для слушающего; а десемантизированные метаизвинения произносятся вовсе не ради извинения, а ради других целей, иногда не осознаваемых и самим говорящим. Поэтому десемантизированное извинение является квазиизвинением, но квазиизвинение как мотивированное для говорящего не является десемантизированным.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах на следующих конференциях: XXIV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2017» (Москва, 2017); Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: норма и вариант: VI Международная научная конференция (Симферополь, 2017); Международный научный форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2018» (Москва, 2018). По теме диссертации опубликовано 8 научных работ: 2 тезисов и 6 статей, 4 из них в изданиях, рекомендованных ВАК и включенных в список рецензируемых научных изданий МГУ.

Структура работы.

Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертации, раскрывается ее научная новизна, определяются объект и предмет исследования, цели и задачи, описывается использованный материал, характеризуется практическая и теоретическая значимость работы, перечисляются

применяемые методы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава I «Теоретическая основа исследования» посвящена истории изучения этикета и этики в свете социально-философских теорий (**раздел 1**), а также обзору основных проблем, затрагиваемых в современных исследованиях при изучении русских речевых этикетных форм – обращения и извинения – в лингвистическом аспекте (**раздел 2**).

В **п. 1.1** освещается соотношение понятий «этикет» и «этика», разъясняются их сходства и различия с этимологической, философской и лингвокультурологической точек зрения. В **п. 1.2** детально рассматривается понятие «этика ответственности», которое сформировалось в западном философском учении, но находит свои истоки в конфуцианстве.

В настоящей работе категория вежливости рассматривается с точки зрения этикета и этики (**п. 1.3**). Одна из классических концепций вежливости – предложенный Дж. Личем «принцип вежливости»¹, который представляет собой взаимные расположения субъектов в структуре речевого акта и является основой речевого этикета. С точки зрения Л.О. Чернейко, «один из принципов постулата вежливости – “Не обидь”»². В рамках концепции, предложенной Л.А. Хесед³, категория «вежливости/невежливости» отражается в семантике лексических единиц русского языка. В эту категорию включаются и оценочные слова, способные придать любой ситуации ту оценку, которая производна от мировоззрения говорящего. Категория вежливости находится в тесной связи со сферой речевого этикета и, по мнению Т.В. Лариной, проявляет себя в функционировании речевых этикетных форм обращения и извинения⁴.

Русский речевой этикет как объект лингвистического исследования рассмотрен как с коммуникативно-прагматической точки зрения, так и в

¹ Leech J. Principles of Pragmatics. London, New York: Longman, 1983. P. 131-139.

² Чернейко Л.О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Филологические науки. 1996, № 6. С. 53.

³ Хесед Л.А. Типы вежливости и невежливости поведения и их знаковые характеристики: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2013. 26 с.

⁴ Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 347, 364.

лингвокультурологическом аспекте. Обращение и извинение представляют собой и виды речевых актов, функционирование которых тесно связано со спецификой различных речевых жанров. В п. 2.1 рассматриваются понятия «речевой акт» (РА), «речевой жанр» (РЖ) и их соотношение. Понятие «речевой акт» в какой-то степени сближается с концепцией речевого жанра, но и во многом от нее отличается. Если принимать предложенное М.М. Бахтиным⁵ разделение жанров на первичные и вторичные, то первичные РЖ, будучи единицами непосредственного общения (диалога), адекватны РА, а вторичные РЖ представляют собой достаточно устойчивые правила выбора РА и их комбинации⁶.

Изучение обращения и извинения в свете этики ответственности охватывает факты коммуникативной неудачи (п. 2.2), которые могут быть вызваны неверным выбором формы обращения и часто становятся поводом для извинительного высказывания. Под коммуникативной неудачей (КН) понимается «неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего»⁷. Важными теоретической и практической предпосылками избежать КН служит «принцип кооперации», который предполагает, что коммуникативный вклад говорящего на определенном этапе диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель собеседников и конкретные постулаты общения, разработанные Г.П. Грайсом⁸, соблюдение которых в целом соответствует выполнению этого принципа: постулат качества, постулат количества, постулат отношения (постулат релевантности) и постулат способа. В п. 2.3 дается обзор основных аспектов исследования речевого этикета. Согласно определению, предложенному Н.И. Формановской, речевой этикет –

⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества: Проблема речевых жанров. М.: Искусство, 1979. С. 240.

⁶ Чернейко Л.О. Спецкурс «Теоретические проблемы языка и лингвистики». Философский ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. 2017.

⁷ Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 31.

⁸ Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 222-224.

«регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных, стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности»⁹.

Завершает главу определение статуса форм речевого этикета – обращения и извинения – и специфики их функционирования в русскоязычном культурном социуме. А сходство этикета и этики, состоящее в регулирующей межличностные отношения роли, позволяет рассмотреть речевой этикет в свете этики ответственности. Семантические элементы, заключающиеся в имени **ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**, служат теоретической базой для изучения случаев коммуникативных неудач, связанных с использованием форм обращения и извинения.

Глава II «Речевой акт “обращение” как объект исследования» посвящена изучению лексического состава категории обращения (**раздел 1**) и специфики его функционирования в текстах разной стилевой и жанровой принадлежности в современном русском языке (**раздел 2**).

Анализ лексического состава (т.е. лексем) обращения основан на описании и классификации слов, которые представлены в лексикографической практике (в словарях Н.Ю. Шведовой¹⁰, Л.Г. Бабенко¹¹), и на результатах исследования Т.Е. Янко¹² по вокативному потенциалу имен существительных, обозначающих лицо. В **п. 1.1 – 1.3** рассматривается частеречная принадлежность лексем обращения: имена собственные (онимы), имена нарицательные, имена прилагательные, местоимения, междометия и предложные словосочетания. В **п. 1.4** анализируются две формы обращения – «вы» и «ты», которые служат важным маркёром официальности/неофициальности в конкретном высказывании в дополнение

⁹ Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский Язык, 1987. С. 9.

¹⁰ Русский семантический словарь. Том. I. М.: РАН Ин-т рус. яз., 2002. 800 с.

¹¹ Словарь-тезаурус синонимов русского языка / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Словари XXI века, 2017. 448 с.

¹² Янко Т.Е. Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей // Язык и речевая деятельность. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. С. 239-255.

к самой форме обращения.

За каждой сферой общения закреплена соответствующая функциональная разновидность языка: просторечие и варианты КЛЯ, обслуживающие как сферы официального, так и личного общения. По поводу лингвистического статуса РР нет единого мнения. Вариант КЛЯ, обслуживающий сферу публичного общения, включает РЖ, требующие стандартности выбираемых и используемых языковых единиц. Это жанры научные, деловые, публицистические. А такие сложные РЖ, как художественно-литературные, «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения»¹³.

В бытовых РЖ представлен определенный набор жанровыделяющих параметров (п. 2.1), таких, как 1) социальное поле («внутри семьи» / «вне семьи»); 2) тип ролевых отношений партнеров коммуникации (в определенной социальной группе/в определенной ситуации общения); 3) характер ситуации; 4) тональность общения; 5) коммуникативная цель/намерение. Как наиболее употребительные вокативные единицы в бытовой речи, формы личного имени варьируются в зависимости от объективной обстановки и личного вкуса говорящего (*Меня как только не называют: Жора, Юра, Гоша, Гога, Георгий...*).

Обращение нередко участвует в осуществлении других речевых актов, приобретая определенные прагматические смыслы и «подчиняя свою иллокутивную силу иллокутивной силе акта сообщения, приказа, просьбы и т.д.»¹⁴. В повторяющейся форме обращения, образованной усеченными, стилистически маркированными формами личного имени, употребляющимися исключительно в кругу близких, выражается определенная интенция – просьба: *Володь, а Володь, послушай мои вопросы к тебе*. При этом формула обращения такого типа используется и у имен нарицательных: *Дядь, а дядь, дай на мороженое*.

¹³ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества: Проблема речевых жанров. М.: Искусство, 1979. С. 239.

¹⁴ Кожухова Л.В. Речевой акт обращения // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007, № 48. С. 82.

В бытовых РЖ имена нарицательные со значением родственных отношений **мама, дядя, бабушка (баба, бабуля), брат (браток, братец), сын (сынок)** и т.п. могут употребляться в полном соответствии с поколением (возрастом) и/или статусом адресата «внутри семьи». «Вне семьи» широко употребляются формы обращения со стилистически сниженным оттенком, в том числе имена нарицательные с реляционным значением и междометия, такие, как **эй, батюшка, дедуля, мамаша, сынок, браток, дружок, мужик, старик** и т.д. Некоторые из этих лексем в качестве обращения расширили сферу своего употребления (**старик, мать, земляк (землячок)**) или приобрели новые смысловые оттенки (**дядя, тетя**). Широко применяются формы обращения, выделяющие более высокий в сравнении с лицом-субъектом социальный статус лица-адресата (**начальник, хозяин, шеф**), и вокативные имена нарицательные с оценочным значением (**дуся, красавица, лапушка, милочка**).

При анализе форм обращения, функционирующих в публичной речи (**п. 2.2**), необходимо учитывать такие факторы, как личность говорящего, степень его профессиональной компетенции, уровень общей культуры, возрастное соотношение говорящего и аудитории, их социально-профессиональную неоднородность и, конечно же, тему публичного выступления. Формы обращения в ситуациях официального общения оказываются более однородными, чем в неофициальных, бытовых ситуациях. В научных, деловых и публицистических РЖ в качестве обращения чаще всего встречаются имена нарицательные с реляционным значением, обозначающие коллектив (**коллеги, дамы и господа, друзья (мои), уважаемые граждане**), имена нарицательные во множественном числе с ролевым значением (**абоненты, посетители, пассажиры, радиослушатели**), которые служат формами обращения не самостоятельно, а с «вокативизирующими средствами» — политесными прилагательными **уважаемые, дорогие** и др.

В публичной речи в качестве обращения к индивидууму используется как форма «имя-отчество», так и слова **ГОСПОДИН/ГОСПОЖА** в сочетании с фамилией, званием, наименованием должности или рода занятий (*господин Иванов, господин директор*). В настоящее время в публичной речи происходит постепенное отклонение в использовании форм обращения от выработанной узусом нормы: в деловых ситуациях нередко обращаются к слушающему или представляют себя по имени, но без отчества (*Ольга, называть меня можно только Ольга*).

В отличие от научной и деловой сфер, формы обращения в публицистических жанрах функционируют с гораздо большим разнообразием и в большей степени отклоняются от установленной нормы. Во-первых, в СМИ существуют ситуации, когда обращаются к собеседнику или представляют себя только по имени (возможно, уменьшительному), например, *Светочка*. Во-вторых, некоторые стилистически сниженные формы обращения из разговорной речи входят в сферу публицистическую (*Потерпите, мужики, до воскресенья*). В-третьих, сфера употребления в составе обращения таких прилагательных, как **уважаемый, дорогой, милый, любимый**, и их смысловые оттенки в последние пятнадцать лет заметно изменились. В примере *Уважаемый, – говорят этому сумасшедшему, – может быть, вы не будете терпеть? Ваше сердце сжимается в железное кольцо. Решите эту проблему!* обращение **уважаемый** теряет уважительный оттенок и приобретает шуточный, иронический оттенки. В-четвертых, в современной устной речи (как в публицистической, так и в деловой сфере) формы обращения на **ВЫ** и **ТЫ** не так строго разграничиваются, как того требует этикет, и нередко можно слышать обращение к адресату на «ты».

Причины зафиксированных в современной русской речи отклонений от устоявшихся норм и правил в выборе и употреблении этикетных формул (в частности, форм обращения) состоят в демократизации общества и языка, в воздействии западноевропейских этикетных культур на русский речевой

этикет и в тенденции «развития презумпции коммуникативного равенства адресанта и адресата»¹⁵.

В литературно-художественных текстах воспроизводятся разнообразные жизненные сценарии – бытовые, научные, деловые и т.п., с которыми коррелируют соответствующие РЖ. Поэтому в текстах художественной литературы представлены разные жанрово закреплённые формы обращения (п. 2.3). В современном русском языке классическое (чистое) обращение имеет свою функцию – призывную, контактоустанавливающую. Но, помимо функции собственно апеллятивной (призывной), у обращения есть функция контактоподдерживающая, и в качестве обращения широко используются имена нарицательные определенных лексико-семантических классов.

Семантическая специфика обращения во многом зависит от лексического заполнения позиции обращения. Если лексема в этой позиции стилистически нейтральная или положительно окрашенная, то обращение остается обращением (*Красавицы, выходите-ка на подиум*). А в директиве *Сволочи, выходите по одному* обращение дополняется пейоративной оценкой и превращается в оскорбление. На этом лексико-семантическом основании все обращения по их коммуникативно-прагматическим функциям предлагается разделить на **обращения-вокативы** (контактоустанавливающие: *Здорово, милосердие*), **обращения-контактивы** (контактоподдерживающие: *Переменим, свет мой, речь*) и **обращения-деструктивны** (контакторазрушающие с точки зрения принятых постулатов общения, но достигающие своей неблагоприятной цели: *Клизма, знай свое место!*). Отрицательные оценочные имена, употребленные и как приложение, и как обращение в рамках предложения, и самостоятельно как аксиологическое высказывание, имеют тенденцию превращать высказывание в инвективный речевой акт, что зависит от степени пейоративности лексемы (*Очистите*

¹⁵ Федосюк М.Ю. В каком направлении развивались стили русской речи XX века // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы Всерос. науч. конф. Вып. 4. Ростов-н/Д., 1998. С. 3.

помещение Дворца культуры. **Бессовестные; Уйдите отсюда, гады!**). Такие ругательные имена достигают своей цели, и тогда коммуникативный акт может считаться успешным: хотел унизить – унизил, хотел обидеть – обидел. Однако обращения-деструктивы любой речевой акт превращают в конфликтогенное речевое действие, а речевое поведение – в безответственное. Функционально-семантическое разграничение обращения-деструктива и инвективы имеет, во-первых, иллюкутивное обоснование: обидеть человека в акте обращения можно и «ненароком», просто неудачно выбранной формой, а оскорбление всегда предполагает интенцию говорящего в виде речевой агрессии, во-вторых, градуальное: оскорбление (инвектива) гораздо сильнее по силе воздействия и последствиям, чем нанесенная обида.

Широко распространенной в русской разговорной речи является синтаксическая конструкция «местоимение второго лица ед./мн. числа + оценочная лексика» (*А ты, гад, никуда от нас не уйдешь!*). Эта лексика включает в себя собственно оценочные слова (молокосос, дурак и др.), а также слова, которые выполняют функции оценки (коза, сопля и др.) в переносном значении. Прикрепленные к обращению, функция которого – называние адресата речи, они вводят признак адресата и потому могут квалифицироваться как «скрытая предикация». В этой синтаксической конструкции номинатив имени синтаксически является обращением, а лексически – именным предикатом, распространяющим предложение обособленным элементом, подчиненным местоимению второго лица (как в классическом обращении), а вместе они выполняют оценочно-определятельную функцию, превращаясь часто либо в прямую инвективу (*Ты, негодяй, ты заставляешь нас наряжаться и ходить по городу, просить денег, гадать, орать, петь*), либо в похвалу (*Ах ты, моя ангелика, царевна, херувимчик ты мой!*).

В разделе 3 анализируется коммуникативная неудача при выборе форм обращения в свете этики ответственности. Апеллятив своей

контактоустанавливающей функции может не выполнить, но является текстопорождающим фактором, рождающим ответную реплику адресата (– Да как же, *батюшка*, <...> как же не говорил, что мост зажечь, когда горючие вещества положили? – Я вам не «*батюшка*», *господин штаб-офицер*, а вы мне не говорили, чтоб мост зажигать!). Следовательно, при выражении разного рода отношений с помощью различных форм обращения во избежание коммуникативной неудачи говорящему необходимо учитывать социальную дистанцию между собой и собеседником (собеседниками), придерживаться «принципа вежливости» и «принципа кооперации», базирующихся на коммуникативной ответственности.

Глава III «Речевой акт “извинение” как объект исследования» посвящена изучению языковых средств реализации извинения (**раздел 1**) и особенностей его функционирования как в бытовой, так и в публичной речи (**раздел 2**).

Извинительный речевой акт в русском языке оформляется по-разному в зависимости от коммуникативной ситуации, но наиболее употребительными средствами его языковой реализации являются императивы *извини(те)*, *прости(те)* и их аналоги – *прошу прощения*, *прошу меня извинить*, *извиняюсь*, *виноват(а)*, *пардон* и т.д. Все указанные языковые формы имеют общую семантику (это признание своей вины в чем-либо и просьба о прощении у адресата), но различаются своими смысловыми нюансами.

Извинения функционируют в разных функциональных сферах языка, но особенно в сфере повседневного общения. Необходимость принесения извинения и употребление при этом конкретного языкового средства коррелируют с такими параметрами, как характер причиненного ущерба в той или иной ситуации, параметры социально ролевых взаимоотношений между извиняющимся и адресатом, официальность/неофициальность коммуникативной обстановки, тональность речевого общения, которые в определенной степени связаны с характером РЖ. Кроме того, принесение

извинения предполагает существование определенной пресуппозиции, которая, по мнению Н.Д. Арутюновой, «входит в семантику предложения как “фонд общих знаний” собеседников, как их “предварительный договор”»¹⁶. Следовательно, при рассмотрении мотивации извинения нужно исходить из характера конкретного РЖ, а также из соответствующих ситуативных и прагматических пресуппозиций.

Р. Ратмайр предлагает разделить все извинения на три группы на основе различия в причинах, вызывающих этот речевой акт¹⁷: «по существу» (за причиненный действием ущерб), конвенциональные (за нарушение установленных правил поведения) и метакоммуникативные (за ущерб, причиненный речевым действием, т.е. за слова). Но в некоторых случаях метакоммуникативные извинения могут быть и извинениями «по существу».

В п. 2.1 рассматривается функционирование извинения в бытовой (повседневной) сфере, где извинение приносится по самым разным поводам и причинам, в том числе за речевые действия. Извинение приносят тогда, когда совершается неверный с точки зрения говорящего (неправильный либо неуместный) поступок. Им может оказаться, например, опоздание, неподобающая одежда, игнорирование присутствия знакомого лица, отказ в чем-либо, причиненный материальный (физический) ущерб.

Анализ собранных материалов (извинительных высказываний в обыденных ситуациях из литературно-художественных произведений) позволяет обнаружить, что извинения в этой коммуникативной сфере могут быть разделены по предложенной Р. Ратмайр классификации на следующие три типа: 1) извинения «по существу»: *Извините, я благоговею перед вашим талантом, готов отдать за вас десять лет жизни, но лошадей я вам не могу дать!;* 2) конвенциональные извинения: *А Ларису извините, она переодевается;* 3) метаизвинения (метакоммуникативные извинения): – *Я*

¹⁶ Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. Т. 32. 1973, № 1. С. 85.

¹⁷ Ратмайр Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2003. С. 138-212.

*думал, что ты не вспомнишь. – Итак, начали на «ты». – **Виноват.***

Кроме того, в бытовой речи имеют место квазиизвинения, которые говорящий приносит за несуществующий (с позиции адресата) так называемый «фантомный вред», например, за выражение несогласия (очень вежливо оформленного) с собеседником (*– Это так. – **Извини меня**, я не могу и не могу этому верить...*), а также за состояние (физическое, интеллектуальное или эмоциональное) говорящего, которое не затрагивает сферу интересов адресата (*– **Извините, пожалуйста...** – За что? – За то, что я ничего не могу придумать*), либо функционируют в качестве иронии (*– Давай напьемся и расскажем друг другу все, что боялись сказать трезвыми. – **Простите**, а вы точно следователь?*).

В п. 2.2 анализируются извинения в публичной сфере, которые часто приносятся, как и в бытовой речи, в силу некорректного поведения (речевого в том числе) одной из двух сторон общения, нанесшего коммуникативному партнеру вред (физический и/или эмоциональный). Устный характер публичной речи и ее экспрессивность часто находятся в несоответствии с официальностью коммуникативной обстановки и коллективностью адресата, что может расцениваться как ущерб, который нужно компенсировать извинительным высказыванием. В публичных жанрах речи метаизвинения часто обусловлены употреблением стилистически маркированных средств, которые придают речи экспрессивно-эмоциональные и оценочные оттенки (*Вы вбиваете гвоздь, **извините меня за метафору**, в гроб надежды*). Извинительный акт в публичной речи нередко имеет место в связи с нарушением элементарных правил речевого поведения в публичном общении, разработанных Т.В. Шмелевой¹⁸, а также в силу неточности словоупотребления (значение слова, стилистически окрашенная лексика, синонимы, антонимы и т.п.), например: *А если вот, допустим, взяли пятиэтажку, расселили её в какую-нибудь... **Извините**, будем называть*

¹⁸ Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983, № 1. С. 76.

своими именами, человек огромный на 20 этажей.

Прерывание говорящего, растянутый рассказ и поведение, приводящее к неловкой ситуации, которые можно считать причинами конвенциональных извинений в бытовых ситуациях, в публичной речи являются поводами для извинений «по существу». Кроме того, публичная речь изобилует квазиизвинениями, в которых повод для извинения малозначителен либо незаметен адресату, поскольку он в поведении говорящего не обнаружил нарушения правил, а также не увидел никакого для себя ущерба (*Феномен криптовалют следует связывать с изменением жизненных ценностей с точки зрения материальных накоплений для граждан. Мы наблюдаем этот тренд, **извините**, когда новый смартфон – лучший подарок на мероприятия типа обручения*), и «беспричинными извинениями», наполненными субъективной модальностью (*Этого не позволял себе никакой Чебриков, **простите**, никакой Андропов*).

В разделе 3 предлагается классификация извинений по их мотивам и функциям. Формально можно выделить два типа извинительных высказываний: с эксплицированным основанием мотива и без экспликации. В рамках извинительного высказывания возможна экспликация мотива извинения, т.е. у мотивации извинения есть означающее – своя грамматическая форма (**извините, что...**; **простите, если...** и др.).

Анализ высказываний бытовых и публичных речевых жанров позволяет внести правку в классификацию Р. Ратмайр и разделить все извинения как систему коммуникативных стратегий по их семантическим особенностям и прагматическим функциям, заключенным в их мотивах, на две большие группы: реальные извинения (А) (п. 3.1) и квазиизвинения (Б) (п. 3.2). «Квазиизвинение» – термин достаточно условный и под ним понимается извинение квазиреальное, т.е. так оцениваемое слушающим, который не усмотрел ни в действиях, ни в речах говорящего причины извинения и выразил в связи с этим свою оценку происходящего.

Реальные извинения (А) охватывают два типа: извинения за действия (А1) (п. 3.1.1) и метаизвинения (А2) (п. 3.1.2). Внимания заслуживает оппозиция (А11) ↔ (А12): подтипы (А11) и (А12) различаются по характеру «ущерба», причиненного физическим действием (А11) или асоциальным поведением (А12). В «ущербе» (А11) усматривается ущемление интересов адресата либо тяжкие оскорбления, а в «ущербе» (А12) акцент делается на нарушении социальных договоренностей или конвенций. При этом можно выделить и вторую оппозицию (А21) ↔ (А22): семантически мотивированные извинения (А21), десемантизированные извинения, функционирующие в качестве эквивалентов модальных слов и словосочетаний типа безусловно, буквально, так сказать, собственно говоря и др. (А22). Десемантизация извинения и его переход в разряд модальных слов имеют место и в обыденной речи, но присущи в основном речи публичной.

В реальном речевом общении функционируют и квазиизвинения (Б) (за так называемый «фантомный вред»), являющиеся особым рода метаоценкой, в которой отражается не только представление говорящего о словах и о языке, но и его точка зрения на любой компонент высказывания или даже любой объект, упомянутый в высказывании. В реальной речевой практике наблюдается немало извинений с диффузным (размытым) значением (*Звучит не только человек, но и быт. Звучит, **извините**, и обиход*). В любом случае квазиизвинение расценивается как извинение, у которого отсутствует должный мотив не говорящим (иначе он его бы не произнес), а слушающим.

Особый интерес представляют извинения неявные, завуалированные, имплицитные. Вводятся они такими синтаксическими оборотами, как, например, не хочу никого обижать, но; если можно так сказать; не побоюсь этого слова. Аналогичные извинения могут реализовываться через

«специальное метатекстовое средство, маркирующее номинацию»¹⁹ так называемый, которое оправдывает введение штампа; выражение как принято сейчас говорить, обосновывающее использование «модных» слов, которые все больше распространяются в современной русской речи; выражение **извинят меня**.

Раздел 4 посвящен рассмотрению понятия «ответственность» в сфере извинения. Извинение является результативным речевым действием, часто метатекстом. При этом ущерб, нанесенный словом или поступком, может рассматриваться как коммуникативная или поведенческая неудача, которая обладает текстопорождающим потенциалом. А если этикетными извинениями говорящий возмещает нанесенный ущерб в процессе общения и тем самым устраняет коммуникативные неудачи, поправляет тему разговора и/или регулирует тональность речевого общения (*– Я сделал предложение и получил отказ, и Катерина Александровна для меня теперь тяжелое и постыдное воспоминание. – Отчего? Вот вздор! – Но не будем говорить. Извини меня, пожалуйста, если я был груб с тобой*), то квазиизвинением говорящий выдает себя, свое видение ситуации, которое расходится с представлением о ней слушающего – адресата извинения, не увидевшего в поведении извиняющегося ущерба для себя. Что касается пустого извинительного акта, десемантизированного (нет должного мотива ни с позиции говорящего, ни, тем более, слушающего), то он в тех или иных случаях становится прагматически нагруженным такими смысловыми компонентами, которые можно рассматривать как потенциальный повод для возникновения коммуникативной неудачи (*Простите, я процитирую следующие строки, которые приводят в книжке Маши Тендряковой*).

Каждая глава завершается краткими выводами.

В Заключении подводятся основные итоги исследования и

¹⁹ Дементьева О.Ю. Контексты названия: семантика и лингводидактика // Сборник научных статей, посвященный юбилею заслуженного профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Майи Владимировны Всеволодовой. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 187.

подтверждается целесообразность установления связи вариативных форм обращения с характером коммуникативной ситуации и выявления ставшей устойчивой в современной публичной речи тенденции к семантической «перезагрузке» извинения и переходу извинительных форм в разряд модальных слов. Кроме того, изучение употребления речевых этикетных форм обращения и извинения в свете этики ответственности открывает перспективу междисциплинарного (лингвофилософского) исследования современной (особенно публичной) русской речи, поскольку в основе коммуникативного акта лежит свобода выбора говорящим языковых форм, ограниченная единственным условием – необходимостью предвидеть последствия этого выбора в той или иной коммуникативной ситуации. Такой подход к анализу речи позволяет считать ответственность не только важнейшим социальным параметром, но и фундаментом успешной коммуникации.

Библиография состоит из разделов «Статьи и монографии», «Словари» и включает в себя работы на русском и английском языках.

По теме диссертации были опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Юй Исин. Формы русского речевого этикета в свете этики ответственности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 2. С. 150-159.

2. Юй Исин. Формы обращения и вокативные функции имен нарицательных (на материале текстов художественной литературы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 217-222.

3. Юй Исин. Направление развития современного русского обращения // Вестник Московского государственного областного

университета. Серия «Русская филология». 2017. № 4. С. 58-67.

4. Чернейко Л.О., Юй Исин. К вопросу о функционировании извинения в бытовом и публичном типах речи // Вестник Башкирского университета. Том 22. 2017. № 4. С. 1141-1146.

Публикации в других изданиях:

5. Юй Исин. Имена нарицательные в функции обращения (на материале пьес А.П. Чехова) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2017» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2017.

6. Юй Исин. Парадигма личного имени в структурном и функциональном аспектах // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В.А. Никонова. Том 2. Ульяновск: «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. С. 188-193.

7. Юй Исин. Коммуникативные неудачи как текстопорождающий фактор в сфере речевого этикета (обращение и извинение) // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: норма и вариант: VI Международная научная конференция: сборник научных статей. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 345-351.

8. Юй Исин. Функционирование извинения в публичной речи // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2018» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2018.